

Научная статья
УДК 81.373.7(520)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века

Александр Сергеевич ДЫБОВСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. В статье диахронически рассматриваются основные этапы языкового планирования в Японии во второй половине XIX – начале XXI века. Анализируются изменения языковой ситуации в ходе исторического развития страны, выявляются влиятельные акторы языкового планирования и языковой политики. Особое внимание сосредоточено на эпохе Мэйдзи и на языковых реформах после Второй мировой войны. Кроме того, даётся краткое описание вопросов языкового планирования и языковой политики Японии на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны; выявляются важнейшие особенности современной языковой ситуации, а также актуальные задачи языковой политики и языкового планирования в Японии в соответствии с вызовами XXI века.

Ключевые слова: языковое планирование, языковая политика, языковая ситуация, письменные языки в Японии, языковая ситуация в эпоху Мэйдзи, акторы языкового планирования, реформирование японского языка, иероглифические лимиты

Для цитирования: Дыбовский А. С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Language planning in Japan from the mid XIX to the early XXI century

Alexander S. DYBOVSKY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. The article examines language planning in Japan from the second half of the XIX century to the beginning of the XXI century. It analyzes changes in the linguistic situation, identifies the key actors of language planning, as well as legislative acts of the Japanese government that turned various elements of language planning into an organized system of state policy. Special attention is focused on the Meiji era and language reforms after World War II, when changes to the Japanese language were stimulated by powerful popular movements. At other times, as well as at present, language planning has been under strict control of the Japanese government and has been primarily limited to its language policy. Additionally, the article provides a brief overview of language planning and policy issues in Japan on occupied territories during World War II. It also highlights the key features of the contemporary linguistic situation and the current tasks of language policy and planning in Japan in the XXI century.

Keywords: language planning, language policy, language situation, written languages in Japan, language situation in the Meiji era, actors of language planning, reforming the Japanese language, kanji limits

For citation: Dybovsky A. S. Language planning in Japan from the mid XIX to the early XXI century // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 123–136. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Введение

В соответствии с определениями, приводимыми Нанетт Готтлиб (Nanette Gottlieb)¹ [8], под языковым планированием (language planning) мы будем понимать "набор идей, законов и постановлений (языковая политика), изменение правил, представлений и практик, направленных на достижение планируемых перемен ... в использовании языка в одном или более сообществах. Другими словами, языковое планирование включает в себя сознательные, хотя и не всегда явные,

¹ В настоящее время почётный профессор Университета Квинсленда (University of Queensland; Австралия).

ориентированные на будущее изменения системы языкового кода и/или речи в социокультурном контексте" [8, с. 16]. Из этого определения следует, что понятие "языковое планирование" шире понятия "языковая политика", хотя в отечественном японоведении, а также в русскоязычном дискурсе текстов, например, о языковой ситуации на постсоветском пространстве, обычно используется термин "языковая политика".

Л.В. Васильева в статье "Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней" пишет: "Считается, что одна из первых попыток сознательного нормирования японского языка относится еще к XII веку, когда крупный ученый-филолог Фудзивара Тэйка установил первые орфографические нормы, именуемые *тэйка-канадзукаи*" [1, с. 630], хотя очевидно, что один из авторов "Новой антологии старых и новых песен" (新古今和歌集) является актором языкового планирования, а не языковой политики, которая обычно представлена в законодательных актах и правовых уложениях.

За пределы языковой политики выходит в книге "Послевоенная история языковой политики Японии" и Номура Тосио [10]. Т. Номура подробно описывает историю создания лимитов иероглифов в Японии, поэтому мы будем неоднократно обращаться к содержанию его сочинения. Книга Нанетт Готлиб [8] посвящена философским и идеологическим вопросам языковой политики: идеям и верованиям японцев относительно японского языка, общей логике осуществления реформ японского языка, которые, по мнению Нанетт Готлиб, всегда были идеологически маркированными своей направленностью на "долговременную культурную традицию" (longstanding cultural tradition) [8, с. 17–18]; кроме того в этой книге обсуждаются главные вызовы языкового планирования и языковой политики Японии в XXI веке – превращение Японии в мультикультурное и полиэтническое общество, адаптация и языковое существование мигрантов, проблемы преподавания в Японии иностранных языков помимо английского, особенности функционирования в Японии языков мигрантов. Мы же в этой публикации будем говорить об особенностях языковой ситуации в Японии, а также о наиболее важных идеях и проектах, направленных на реформирование японского языка, которые далеко не всегда трансформировались в законодательные документы.

Эпоха, объект и императивы языкового планирования в Японии второй половины XIX в.

Идеи о необходимости реформирования японского языка стали актуальны в Японии во второй половине XIX века, когда "Черные корабли" коммодора М. Перри положили конец политической изоляции страны, и вслед за США Россия и другие Великие державы вынудили Японию открыть свои порты для иностранцев и вступить с ними в торговые отношения. Военная, экономическая и политическая отсталость Японии стала очевидной. Сёгунат Токугава (徳川幕府 1603–1867) вступил в эпоху нестабильности. И для многих японских интеллектуалов и политиков стала очевидной необходимость форсированной модернизации страны.

Одним из условий успеха модернизации Японии было создание единого общенародного языка, поскольку языковая ситуация в это время отличалась большой сложностью. Например, португальские монахи-иезуиты, начавшие миссионерскую деятельность в Японии во второй половине XVI века и написавшие первую грамматику японского языка (*Arte da Língua do Japão*, 1604), считали, что японский язык – это "изобретение дьявола", призванное препятствовать распространению христианства в Японии. Сложность языковой ситуации в Японии в эпоху позднего средневековья обуславливалась следующими обстоятельствами. Во-первых, для Японии в это время было характерно наличие большого разнообразия территориальных диалектов, носители которых далеко не всегда могли понимать друг друга. Во-вторых, письменности, основанной на разговорном языке, не было. Но существовало несколько письменных языков (в японистике они нередко называются стилями), резко отличающихся от устно-разговорного японского языка (КО:ГО 口語). Прежде всего это был КАМБУН "китайские письмены" (или стиль буквального перевода на китайский), восходящий к классическому китайскому языку

(ВЭНЬЯНЬ). На КАМБУНЕ в VII-ом веке по китайским образцам были составлены первые японские законодательные документы, и он просуществовал практически до начала XX века как высокий и строгий язык законоуложений и официальных правительственных документов. Для нужд изящной словесности существовал японский классический литературно-книжный язык БУНГО, сформировавшийся на основе разговорного языка IX–XII веков под сильным влиянием китайского, на котором строилось образование аристократической элиты в эпоху японского средневековья.

Еще одним письменным языком был СО:РО:БУН "письмена *со:ро:*" (по названию особого служебно-предикативного элемента 候). СО:РО:БУН возник из практики частной и деловой переписки в начале XIII века, совмещая в себе некоторые элементы КАМБУНА и БУНГО; в частной переписке в скорописной форме использовался до XX века, оказав большое влияние на современный японский деловой язык².

Существовала и практика смешения элементов КАМБУНА и БУНГО в одном тексте, которая получила название КАНВАБУН (漢和文) ("китайско-японское письмо"). В вышеназванных письменных языках использовалось около 10 тыс. иероглифов, многие из которых имели более двух обычных чтений иероглифов в Японии (ОНное, протокитайское и КУНное – фиксирующее значение иероглифа по-японски), поскольку иероглифы заимствовались на протяжении столетий в разные эпохи из разных районов Китая, также имевшего территориальные диалекты. В освоении японцами китайской иероглифики было немало случайностей (в том числе и ошибок). Даже в современном японском языке сохранилось немало оригинальных чтений иероглифов, например, в географических названиях: ср. названия некоторых станций японских железных дорог, например, 十三 (ДЗЮ:СО:) в Осака, 京終 (КЁ:БАТЭ) в городе Нара или 坂祝 (САКАХОГИ) в префектуре Гифу.

Две слоговые азбуки – КАТАКАНА и ХИРАГАНА – дополнялись третьей – ХЭНТАЙГАНА (видоизмененная КАНА), которая использовала для буквенного слогового письма скорописные варианты иероглифов, не вошедших в *хирагану*. Творческое использование иероглифов в первом японском поэтическом сборнике "Мириад листьев" (万葉集) породило приёмы АТЭДЗИ – подставленных по смыслу или используемых фонетически иероглифов, например: 煙草 (дым + трава) "сигареты" для португальского *tabaco*, 珈琲 (два иероглифа со значением "украшение, блестящий" и соответствующими чтениями 珈 КА + 琲 ХИ) "кофе" для голландского *koffie*; 亜米利加 Америка, 印度 Индия (фонетическое слоговое письмо). Кроме уставного написания иероглифов существовали их полускорописные и скорописные формы.

Таким образом, японская письменность в середине XIX века была чрезвычайно сложной. Использовалось несколько письменных языков, корпуса текстов на разговорном языке не существовало. Создание системы современного образования, необходимого для модернизации страны, с такой сложной и громоздкой письменностью, а также и с несколькими письменными языками было делом очень непростым, если не сказать невозможным.

Акторы языкового планирования во второй половине XIX в.

В фундаментальном исследовании языковой ситуации на территории бывшего СССР под редакцией М. Кирквуда *Language Planning in the Soviet Union*, со ссылкой на Фасолда и Истмана (Fasold, Eastman) говорится, что акторами языкового планирования могут быть политологи, экономисты, антропологи, лингвисты, издатели – кто угодно, от правительств до частных лиц [7, с. 1]. Посмотрим, кто же это был в Японии во второй половине XIX века.

² СО:РО:БУН можно обнаружить в письмах первого японского послевоенного премьер-министра Ёсида Сигэру (1878–1967), относящихся к 1955 году [11].

Первым, кто указал на необходимость реформирования письменного языка был Маэдзима Хисока (前島密 1835–1919) – будущий создатель почты³ и телеграфа, министр связи и депутат японского парламента, который в 1866 году обратился к последнему сёгуну Токугава Ёсинобу (徳川慶喜 1837–1913) с "Трактатом об отмене иероглифов" (漢字御廃止之議). Имея опыт преподавания английского языка, Х. Маэдзима считал, что ускорить модернизацию страны и избежать судьбы Китая можно только путём отказа от иероглифов и осуществления массового образования с использованием японской слоговой азбуки КАНА или латиницы [10, с. 13–15]. Сёгунат не прислушался к воззванию Х. Маэдзима, но через некоторое время идею отмены иероглифики поддержали два мощных народных движения: в 1883 году было создано общество сторонников японской слоговой азбуки КАНА – КАНАКУВАЙ; с 1910 года – КАНА-НО КАЙ (仮名の会), а в 1885 году – общество сторонников латинизации японского языка организовало общество РО:МАДЗИ КАЙ (ローマ字会).

В 1873 году о необходимости преобразовании японского языка в своём известном труде "Обучение грамоте" 『文字之教』 высказался Фукудзава Юкити (福沢諭吉 1835–1901) – голандовед, просветитель, основатель ун-та Кэйо Гидзюку, чей портрет и в наши дни украшает японскую банкноту в десять тысяч иен. Ю. Фукудзава называл "китайскую науку" (КАНГАКУ), доминировавшую в японской научной мысли позднего средневековья, препятствием модернизации страны. Конфуция и Лао-Цзы он считал великими мыслителями прошлого. Относительно иероглифической письменности японского языка Ю. Фукудзава считал, что отказаться от использования иероглифов полностью нерационально, достаточно ограничить количество общеупотребимых иероглифов двумя-тремя тысячами знаков [15]. Это был путь введения иероглифических лимитов, на который Япония и вступила в середине XX века. Ср. лимит 2010 года в 2136 иероглифов (подробнее – ниже).

Автором наиболее радикальной реформы языкового существования японцев стал Мори Аринори (森有礼 1847–1889) – государственный деятель, дипломат, министр просвещения (1885–1889), реформатор школьного образования и основатель университета Хитоцубаси (1875). Работая над созданием системы массового народного образования, А. Мори постепенно пришёл к необходимости жесткого государственного контроля не только над созданием учебников и работой образовательных учреждений, но также и над учениками и теми, кто был призван их обучать. Он писал: "Японские школы созданы на благо нации, а не учащихся!" [14]. А. Мори считал, что для решения проблем народного образования и модернизации Японии в исторически приемлемые сроки необходима латинизация письма, а также санкционируемое государством введение английского языка в речевой оборот японцев. По поводу возможности последнего он даже консультировался с американским лингвистом У.Д. Уитни (William Dwight Whitney; 1827–1894), от которого получил не очень ободряющий ответ в том духе, что это еще никем не осуществленная в мире задача. В 1889 году на 42-м году жизни А. Мори был убит экстремистом за неподобающее поведение в синтоистском храме. А. Мори заложил важные основы системы японского школьного образования [6, с. 129–145]. Идея А. Мори о необходимости введения в обиход японцев английского языка оказалась нереализованной, но японская общественная мысль неоднократно возвращалась к плану вестернизации языкового общения японцев. В 1946 году в апрельском номере популярного японского социально-политического журнала "Реконструкция" (改造) известный японский писатель Сига Наоя (志賀直哉 1883–1971) опубликовал эссе под заголовком "Проблема национального языка" (国語問題), призывающее сделать французский язык государственным в ходе послевоенных демократических реформ. Инициатива Н. Сига не встретила поддержки у соотечественников, скорее нанесла урон его престижу [13]. Сторонники вестернизации речевой прак-

³ Ему приписывается создание новых терминов – 郵便 ю:бин "почта" и 切手 киттэ "почтовая марка".

тики японцев вновь выступили с подобной идеей только в 2000 году. Известный японский журналист-международник, доктор права (1992) Фунабаси Ёити (船橋洋一 1944-) накануне нового тысячелетия обратился к соотечественникам с идеей придания английскому языку статуса официального, кратко перечислив в своей статье преимущества этой акции [17].

Ещё одним важным актором языкового планирования в Японии эпохи Мэйдзи стал писатель и известный переводчик русской литературы Футабатэй Симэй (二葉亭四迷), настоящее имя Хасэгава Тацуноскэ (長谷川辰之助 1864–1909). С. Футабатэй был также секретарём Военно-морского ведомства, профессором русского языка Высшей военной академии Императорского флота, японским патриотом и близким другом будущего профессора Восточного института во Владивостоке Е.Г. Спальвина. После мучительных поисков и экспериментов он написал большой роман "Плывущее облако" (1887–1891) на разговорном языке⁴ – именно на том языке, которым японцы пользовались в ежедневной устной коммуникации. Письменный язык, начало которому было положено романом "Плывущее облако", привлек других литераторов и к началу XX века стал основным письменным языком японской литературы [16]. Активизировалось составление словарей, с конца XIX века одна за другой стали создаваться грамматики разговорного японского языка, причём под влиянием процессов европеизации страны их прототипами нередко становились грамматики европейских языков, хотя их авторы стремились сохранить и лингвистические понятия, выработанные японцами до знакомства с европейской наукой о языке (ср. ТАЙГЭН, Ё:ГЭН, ТЭНИОХА и т. д.). Большое влияние на развитие японской лингвистической мысли оказали грамматики Ямада Ёсио (山田孝雄 1875–1959), Хасимото Синкити (橋本進吉 1882–1945), Мацусита Дайсабуро (松下大三郎 1878–1935)⁵. Таким образом в Японии был создан новый письменный язык и начались процессы его кодификации. На этой основе началась работа по составлению школьных учебников и хрестоматий. К концу первого десятилетия XX века было введено бесплатное шестилетнее образования и подготовлены единые школьные учебники. Реформы в области образования, а также издание учебников осуществлялось под контролем Министерства просвещения Японии. Официальная документация постепенно переводилась с КАМБУНА на БУНГО; с опорой на новый письменный язык начинает формироваться новый стиль частной и деловой корреспонденции. Бурное литературное творчество на новом письменном-книжном языке во второе десятилетие XX века вскоре было приостановлено политической реакцией. Империалистическая экспансия Японии поставила на повестку дня новые задачи языкового планирования – актуальной стала задача распространения японского языка на контролируемых японским государством заморских территориях. При этом особое место отводилось Тайваню и Корее, население которых стало объектом особо жесткой политики японизации.

Языковое планирование в годы Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны, вероятно, по политическим причинам стало ограничиваться использование западных заимствований в публичной сфере. Это проявилось, например, в том, что в 1940–1944 гг. брошюра рекомендаций для дикторов NHK "Терминология радиовещания" 『放送用語備要』 санкционировала к переименованию 161 слово европейского происхождения на том основании, что такие слова "трудны для восприятия на слух" [12, с. 16]. В этом списке действительно имелись сложные для широкой публики слова и выражения, такие, как センセーショナル (sensational), リード (lead), フレッシュ (fresh), ボイコット (boycott), ボルシェヴィズム (большевизм), フル・スピード (full speed), メンタル・テスト

⁴ Примерно в то же время подобное произведение опубликовал и другой японский писатель – Ямада Бимё (山田 美妙 1868–1910). Это был рассказ "Бабочка" (蝴蝶), опубликованный в январе 1889 года в журнале "Друг народа" (国民之友).

⁵ Грамматика Киэда Масуити, впервые изданная в нашей стране в 1958–1959 гг., представляет собой параллельное описание двух языковых систем – БУНГО и КО:ГО как некий единый и целостный объект, что, по всей вероятности, отражает языковое сознание японцев первой половины XX века.

(mental test). Однако в списке также присутствовала и широко употребляемая лексика, уже прочно вошедшая в речевой обиход японцев, например: プラン (plan), プログラム (program), ボーイ (boy), ホール (hall), メモ (memo), メロディー (melody), メンバー (member), ユニフォーム (uniform), ライブラリー (library), ラッシュ・アワー (rush hour), ランチ (lunch), リーダー (leader), レコード (record), ストライキ (strike), スローガン (slogan), タイトル (title), テキスト (text), テスト (test), デッキ (deck), デパート (department store), デフレーション (deflation), デモクラシー (democracy), テロ (terror), トーチカ (укрепленный пункт), ナショナリズム (nationalism), ニュース (news), パイロット (pilot), パスポート (passport), バランス (balance), バルコニー (balcony), プール (pool), ブラス・バンド (brass band) и т.д. [12, с. 16]. Борьба с заимствованиями административными методами оказалась неэффективной. В итоге почти все слова и выражения из указанного списка сохранились в японском языке.

В годы Второй мировой войны важной задачей языкового планирования стало регулирование языкового оборота на оккупированных японской армией территориях. В обязанности японской военной администрации входило обучение населения японскому языку. Обеспечением оккупированных территорий учебной литературой занимались как Министерство просвещения, так и военное ведомство. Поскольку японская армия в 1941–1942 гг. в Малайе и Сингапуре продвигалась быстро, центральные власти не поспевали за темпами наступления японских войск, и учебные пособия по японскому языку по необходимости создавались на месте как военной администрацией, так и частными лицами. Содержание учебников регламентировалось отделом пропаганды 25-ой армии [3, с. 56–57]. К преподаванию японского языка местному населению привлекались военнослужащие, имевшие в прошлом опыт работы в сфере народного образования. Целью работы с населением было не только преподавание японского языка, но и идеологическая обработка людей, целью которой было превращение обучаемых в подданных Японской империи. Министерство просвещения Японии специальными постановлениями направляло усилия преподавателей японского языка и составителей учебных пособий. Например, в постановлении Министерства просвещения "Вопросы преподавания японского языка в регионах на юге" (南方諸地域における日本語教育に関する件), относящегося к 1943 году, перед преподавателями японского языка ставились следующие задачи:

- 1) обучать местное население японскому языку на уровне, необходимом для практических целей;
- 2) способствовать распространению японской духовности и культуры;
- 3) способствовать унификации Восточной Азии при помощи распространения японского языка.

Инструкция по составлению текстов учебников японского языка состояла из тринадцати пунктов, важнейшими из которых были следующие: 1) раскрывать причины и цели Великой восточно-азиатской войны, а также Великой восточно-азиатской сферы совместного процветания; 2) указывать на корыстную природу военных действий США, Британии и Нидерландов; 3) описывать национальный характер японцев и экономические достижения страны; 4) на конкретных примерах показывать источник силы Императорской японской армии; 5) давать примеры самоотверженной храбрости японских солдат на полях сражений; 6) подчеркивать важность установленного военного порядка жизни населения. Были установлены экзаменационные требования по четырем уровням владения японским языком. Подробнее см. [3].

Как видим, во время войны языковое планирование сомкнулось с идеологической работой государства; языковая политика и языковое планирование стали частью империалистической политики Японии. После капитуляции Японии важным актором языкового планирования становится военная администрация генерала Д. Макартура – General Headquarters (GHQ), под эгидой которой и осуществлялись демилитаризация и демократизация Японии, создавались новая конституция и органы местного самоуправления. Важнейшим актом демократизации японской

общественной жизни стала радикальная реформа языка, в основе которой было введение иероглифического лимита 1946 года.

Языковое планирование после Второй мировой войны. Логика введения иероглифических лимитов

Уже на следующий день после подписания 2 сентября 1945 года на борту линкора "Миссури" министром иностранных дел Японии М. Сигэмицу и генералом Ё. Умэдзу Акта о капитуляции администрация Д. Макарура (GHQ) издала приказ, требующий обозначить станции железных дорог, названия учреждений и организаций и т.д. при помощи латиницы Хэлбёрна. Начинается интенсивная работа по написанию новой конституции страны, созданию новых политических партий, женской эмансипации; одним из демократических требований была реформа языка, основой которой стало введение лимита на употребление иероглифов. В штаб Д. Макарура с докладом о проекте латинизации японского языка приезжает Джордж Динсмор Стоддард (1897–1981) – педагог, писатель, советник по реформе образования Японии.

В ноябре 1945 года в Комиссии по обсуждению проблем государственного языка (国語審議会) начинается рассмотрение вопроса об упрощении японской иероглифической графики. При активном участии секретаря Комиссии Хосина Коити (保科孝一 1872–1955) к весне 1946 года был выработан список из 1295 иероглифов для учебной литературы, который был опубликован в газете Асахи 23 апреля 1946 года [10, с. 25–27]. Против такого резкого ограничения иероглифики выступили представители газетных издательств, которые в это время использовали в своей деятельности более 4 тыс. иероглифов. Не поддержала проект и академическая общественность, также привыкшая к использованию в научных публикациях гораздо большего числа иероглифов. 5 ноября 1946 года в виде компромисса был принят лимит в 1850 знаков под названием "Таблица наиболее употребимых иероглифов" 当用漢字表. В пояснительной записке председателя указанной Комиссии на имя министра культуры говорилось, что эта "таблица представляет собой диапазон использования иероглифики в законодательстве, официальных документах, газетах, журналах и общественной жизни"⁶ [9]. 16 ноября 1946 года документ был одобрен как указ кабинета министров [10, с. 31]. В 1951 году к лимиту было добавлено 92 иероглифа для личных имен, а в 1954 году этот список пополнился еще 28 иероглифами. До 1973 года вносились и другие дополнения. Поскольку иероглифический лимит 1946 г. был обязателен для издателей, то он оказал значительное влияние на языковую ситуацию в послевоенной Японии. Во-первых, произошло резкое сокращение числа иероглифов в издаваемой печатной продукции. Неизбежно сократилось использование КАНГО. Значительная часть КАНГО требовала иероглифических замен, например: 諒解 (りょうかい) → 了解; 聯邦 (れんぽう) → 連邦; 衣裳 (いそう) → 衣装; 火焰 (かえん) → 火炎 [10, с. 101]. Китаизмы, для написания которых использовались наиболее трудные иероглифы, не вошедшие в лимит, приходилось заменять более простыми, близкими по смыслу, либо пользоваться синонимами из исконно японской или заимствованной из европейских языков лексики. Таким образом, иероглифический лимит способствовал сокращению китаизмов и вестернизации лексики японского языка. Введение лимита оказало существенное влияние на язык и стиль государственных указов, а также на язык юридических документов. Происходила перестройка издательского дела, требовалось переиздание всего японского литературного наследия, ведь новым языковым нормам не соответствовала даже довоенная литература, например, книги Нацумэ Сосэки, Акутагава Рюносукэ, Кикути Кана или Кавабата Ясунари. Сига Наоя говорил, что в послевоенные годы отказался от газетных публикаций из-за обилия редакторских замен в графике, искажающих смысл авторского текста [13].

⁶ Примерно в то же время подобное произведение опубликовал и другой японский писатель – Ямада Бимё (山田 美妙 1868–1910). Это был рассказ "Бабочка" (蝴蝶), опубликованный в январе 1889 года в журнале "Друг народа" (国民之友).

Информационные запросы японского общества после языковых реформ 1946 года требовали увеличения количества иероглифов в обороте. В 1981 году была принята "Таблица общеупотребимых иероглифов (常用漢字表), которая содержала 1945 знаков; в 2010 году она была расширена до 2136 иероглифов. При этом список иероглифов для начальной школы (школьный минимум) увеличился до 1006 иероглифов. Неоднократно пополнялись списки иероглифов для написания имен и фамилий.

В своей книге, опубликованной в 2006 году [10], Номура Тосио выделяет три этапа языковой политики Японии после Второй мировой войны:

1) 1945–1966 гг. Период реформ языка на основе идей демократизации (民主化思想による国語再構築期) : перестройка старой графической системы во имя демократических преобразований общества;

2) 1967–1991 гг. Период выстраивания современной графической системы (現代表記再構築期) : расширение набора иероглифики, выверенная система графики, сочетаний иероглифики и азбук;

3) 1992– Период ответа на вызовы эпохи интернационализации и информационного общества (国際化・情報化社会への対応期) [10, с. 274–284].

Очевидно, что за прошедшую почти четверть XXI века положение Японии в глобализирующемся мире еще более усложнилось. Активизировалось продвижение японского языка в мире, изменилось отношение в Японии к мигрантам, активное использование мягкой силы в последние годы стало дополняться увеличением расходов на военные цели. Снова усложнилась языковая ситуация в стране.

Институциализированные акторы языкового планирования

По мере осознания важности для государственного строительства проблем языкового планирования и языковой политики под эгидой государства стали создаваться специальные органы языкового планирования, кооптировавшие в свой состав экспертов-языковедов, исследователей массовой коммуникации, диалектов и языковой ситуации в стране. Важную роль в языковом планировании в Японии сыграли радио и телевидение.

В 1926 году на базе созданной в 1925 году Токийской радиовещательной станции была учреждена Государственная радиовещательная корпорация NHK (Nippon Hōsō Kyōkai). В 1950 году она превратилась в радио-телевизионную корпорацию NHK и стала основной государственной вещательной компанией Японии, предоставляющей радио- и телевизионные услуги населению. По закону о вещании от 2 мая 1950 года NHK призвана служить общественному благу, работать на принципах беспристрастности, правдивости и автономии трансляции, способствовать развитию демократии (Статья 1). Руководящим органом корпорации является Исполнительный комитет (経営委員会) из восьми лиц, которые назначаются премьер-министром страны после одобрения обеими палатами Парламента (Статья 15) [18].

С момента своего возникновения NHK стала важнейшим актором языкового планирования, работающим ежедневно и оказывающим влияние на все население страны. Тщательный отбор лексики и грамматики, составление справочников нормативной акцентуации, постоянная работа над стилями и жанрами речи, выбор, создание и трансляция актуальных новостей и произведений тележурналистики, современной и классической художественной литературы и различных песенных жанров, японских и иностранных художественных фильмов – вот только некоторые важные аспекты работы корпорации, оказывавшие большое влияние на ценностные ориентации населения, связанные с функционированием японского языка.

NHK в предвоенные и военные годы была призвана служить трону. Поэтому корпорация стала орудием империалистической политики и пропаганды. И в годы войны вела борьбу с англицизмами, составляя списки нежелательных в вещании слов и выражений.

Следовавшая на протяжении многих десятилетий нормативным стандартам японского языка, корпорация NHK в своём вещании в последние годы все больше

места уделяет устным жанрам реальной коммуникации японцев, особое внимание обращая на привлечение молодёжи передачами в прямом эфире, создаваемыми самими молодыми людьми с участием звёзд эстрады и идиолов популярной культуры.

Другим важным органом языкового планирования на протяжении многих десятилетий были комиссии по изучению (обсуждению) проблем государственного (японского) языка при Министерстве просвещения Японии. Эти комиссии создавались в качестве совещательного органа при министре просвещения Японии. Их работа координировалась специальным Отделом государственного языка (国語部) Министерства просвещения.

Первая Комиссия по изучению государственного языка (国語調査委員会) была создана в 1902 как временный консультативный орган при министре просвещения. Она занималась изучением достоинств и недостатков перевода японской графики на слоговое или алфавитное письмо, вопросами стандартизации письменной и устной форм японского языка, а также вопросами фонетики и диалектологии, правописания иероглифики и слоговой графики, исследованием грамматики разговорного языка и т.д. и просуществовала до 1913 года [10, с. 16].

В 1921 году была создана Временная комиссия по изучению государственного языка (臨時国語調査会). Она продолжила работу по модернизации японской графики, оптимизации орфографии, созданию проектов лимитов иероглифов, ограничению использования лексики китайского происхождения. Одним из таких проектов стала Таблица общеупотребимых иероглифов (常用漢字表), содержащая 1962 иероглифа. В мае 1923 года проект был опубликован. Его поддержали газетные издательства. В августе 1923 года 20 крупнейших газетных издательств выступили с Воззванием относительно необходимости ограничения количества иероглифов (漢字制限に関する宣言). Пафосом воззвания был призыв немедленно перейти к реализации проекта ограничения иероглифов, однако этому помешало Великое землетрясение Канто, произошедшее 1 сентября 1923 года. В июне 1925 года с аналогичным воззванием выступили 10 газетных издательств, выразив готовность ограничить количество используемых иероглифов с шести до двух тысяч. В 1931 году Временная комиссия опубликовала новую версию "Таблицы общеупотребимых иероглифов" (常用漢字表) в 1858 знаков. На этот раз осуществлению иероглифической реформы помешал Маньчжурский инцидент, произошедший в мае 1931 года и сделавший необходимым использование не предусмотренных лимитом иероглифов для написания китайских имён и географических названий [10, с. 16–18].

В 1934 году была создана Комиссия по обсуждению государственного языка (国語審議会), которая просуществовала до 2001 года и после Второй мировой войны стала важным актором реформирования японского языка, в том числе рабочим органом создания послевоенных иероглифических лимитов (подробнее – ниже). Комиссия занималась исследованием и обсуждением вопросов функционирования японского языка по запросам министра просвещения и давала рекомендации заинтересованным государственным органам. Большей частью это были вопросы, связанные с графикой японского языка: уточнение графической формы иероглифов, составление иероглифических лимитов, систематизация ОНных чтений иероглифов, оптимизация латиницы для японского языка. Многие материалы, разработанные Комиссией, использовались в ходе послевоенных языковых реформ. Например, в июне 1942 года в целях распространения японского языка на оккупированных территориях Комиссия представила проект "Стандартная таблица иероглифов" 標準漢字表, который включал 2528 иероглифических знаков [10, с. 18–19], что, между прочим, очень близко к тому количеству иероглифов в обороте, к которому японское общество пришло в наши дни после нескольких реформ иероглифической письменности.

В 2001 году Комиссия по обсуждению государственного языка была преобразована в Секцию языка (国語分科会) при Комиссии по обсуждению культуры 文化審議会 [10, с. 10].

Современная система языкового планирования Японии основывается на деятельности трёх главных акторов, ассоциированных с японским государством. Это Отдел государственного языка (国語部) Управления культуры Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, Секция японского языка (日本語分科会) Комиссии по обсуждению культуры (文化審議会) и созданный в 1948 году Государственный институт изучения родного языка (国立国語研究所). Государственный институт изучения родного языка представляет собой современное академическое учреждение, занимающееся всеми актуальными аспектами функционирования японского языка. Это иероглифическая графика и использование слоговых азбук, проблемы правописания и орфографии, системное изучение фонетики, морфологии, грамматики, фразеологии и стилистики японского языка; проблемы языкового существования японцев и оптимизация форм вежливости (敬語); современное состояние территориальных диалектов, различные аспекты западных заимствований в японском языке и т.д. Как видим, со временем важнейшими акторами языкового планирования стали общественные институты, деятельность которых санкционируется и контролируется японским государством.

Языковая ситуация, языковая политика и задачи языкового планирования в XXI в.

В XXI веке языковая ситуация в Японии стала много проще, чем в эпоху Мэйдзи. Экзотическими элементами истории японского языка стали не только КАМБУН и СО:РО:БУН, но и БУНГО, хотя последний продолжает использоваться в классических формах японской поэзии. Для общенационального литературного языка (КЁ:ЦУГО), противопоставленного просторечию, жаргонам и территориальным диалектам, в учебниках, словарях, грамматиках и хрестоматиях выработана прочная основа правильного стандартного языка (ХЁ:ДЗЮНГО). В то же время изменилось отношение общества к территориальным диалектам. Их перестали считать низкими формами японского языка и неизбежным атрибутом провинциальности и необразованности. Диалектные формы стали изучаться в школе и активно использоваться в художественной литературе; за их счёт даже стал пополняться молодежный жаргон.

В письменно-книжном языке, особенно в языке информации, постепенно увеличивается число иероглифов, создаются новые КАНГО, возникло даже немало новых протокитайских четырёхкомпонентных композитов (四字熟語), ср., например, новообразования эпохи пандемии коронавируса: 対面授業 "очные уроки", 時短営業 "работа по сокращённому графику", 在宅勤務 "работа из дома на удалёнке", 二人三脚 (ににんさんきやく) "бег парами (когда нога одного бегуна связана с ногой другого)"; обр. "тесное сотрудничество" и т.д.; см. подробнее [4]. Просвещённость и образованность в Японии уже давно не ассоциируются с китайской классической литературой и философией, но КАНГО стали неотторжимыми элементами японского языка, позволяющими делать письменную речь лаконичной, точной, визуально информативной. Эффективность использования КАНГО в письменном информационном языке (газеты, журналы, терминология науки, массовая коммуникация) совершенно очевидна. Наглядность, компактность и выразительность КАНГО широко используется в рекламе. Вместе с КАНГО в письменной форме СЯЯ прочно укоренились многие элементы китайской грамматики.

Вместе с тем на японский язык в XXI веке обрушился почти неконтролируемый поток заимствований из европейских языков, особенно англицизмов. Всё больше ГАЙРАЙГО (外来語) входит в речевой оборот японцев, ср.: СУМАХО "смартфон", ПУРАЙБАСИ: "частная жизнь, приватность", СИНГУРУ МАДЗА: "одинокая мать", РАННА: "бегун", ДЗЁГИНГУ "бег трусцой", ПРОФЕССА: "профессор", ДЗИРЭММА "дилемма", ТАЙМИНГУ "тайминг", и т.д.

Современный японский деловой язык также не обходится без большого массива англоязычной лексики, например: budget (予算), agenda (アジェンダ), meeting (ミーティング), sample (サンプル), maker (メーカー) и т.д. Всё более сложные выражения можно наблюдать в академическом дискурсе, например: コンテンツ (content),

クラウドファンディング (crowdfunding), リスクマネジメント (risk management), デジタルヒューマニティ (digital humanities), エクリチュール (écriture - фр. "письмо"), エンパワーメント (empowerment) и т. д. В политической риторике западные заимствования используются для экспликации образованности, просвещенности, компетентности в глобальной проблематике политических, военных, экономических и других мировых проблем [4].

Эстетика вестернизации правит бал в рекламе и коммерческих объявлениях, например, в сфере обслуживания более экспрессивно звучит не 弁当, а ランチ・ボックス (lunch box), не 女性, а レディース (ladies), не 出来事, а イベント (event), не 生活, а ライフ (life) и даже уже не スーパー (supermarket), а "Food Plaza" с испанским словом *plaza* "площадь", которое может также использоваться в названиях торговых центров или крупных торговых комплексов [2; 4].

Эстетика вестернизации ведет к экспансии латинской графики, порождает моду на яркие заморские "одежды" в названиях магазинов, ресторанов, компаний, товаров и коммерческих предприятий, музыкальных проектов и личных имен исполнителей. Влияние Западной цивилизации проявляется не только в графике и лексике. Меняются формы публичной риторики, грамматика японского языка, сам строй мысли японцев; увеличивается жестовое сопровождение речи, постепенно входят в обиход европейские ценности, связанные с использованием языка. Калькирование расхожих англоязычных выражений порождает новые лексические коллокации японского языка, например: 恋に落ちる ← fall in love; 休息を取る ← take a rest; 出席を取る ← take attendance; 責任を取る ← take responsibility on; 尊敬を払う ← pay respect; 注意を払う ← pay attention. Появлению и распространению подобных выражений способствуют и ставшие предметом обихода электронные переводчики. Хотя от многих японских интеллектуалов, а также и от обычных граждан (особенно пожилых, не владеющих английским языком) звучат призывы оградить японский язык от нашествия англицизмов, робкие попытки противостоять заимствованиям напоминают пуризм А. С. Шишкова с его "плитуаром" и "тихогромами". Например, в 2003 году в Государственном НИИ родного языка под председательством тогдашнего директора указанного НИИ Каи Муцуро (甲斐 睦朗 1939-) была создана специальная комиссия по западным заимствованиям, состоявшая из 20-ти экспертов института и других заинтересованных организаций. После тщательного изучения ситуации указанная комиссия выработала рекомендации для государственных органов, газетных издательств, учебно-просветительных учреждений и т. д. о замене 176 западных заимствований китаизмами и исконно японскими эквивалентами. Вот небольшой фрагмент этого списка:

1. アジェンダ (agenda) → 検討課題 (вопрос для обсуждения);
2. アミューズメント (amusement) → 娯楽 (развлечение, удовольствие);
3. インフラ (infrastructure) → 社会基盤 (социальная база, основа);
4. コラボレーション (collaboration) → 共同制作 (совместное производство);
5. シミュレーション (simulation) → 模擬実験 (эксперимент симуляции);
6. リテラシー (literacy) → 読み書き能力、活用能力 (умение читать и писать, практические навыки);
7. ポテンシャル (potential) → 潜在能力 (потенциальная способность)
8. デリバリー (delivery) → 配達 (доставка);
9. アイデンティティー (identity) → 自己認識 (самосознание);
10. ステレオタイプ (stereotype) → 紋切り型 (стереотип);
11. グランドデザイン (grand design) → 全体構想 (общая идея) [10, 271–272].

Вскоре выяснилось, что рекомендации по замене западных заимствований китаизмами особого успеха не имели. Сам нынешний премьер-министр Японии Кисида Фумио в своей программной политической речи в японском парламенте 17 января 2022 года использовал рекомендованное к замене выражение: ср.: 新しい資本主義のグランドデザイン "**великий замысел** нового капитализма". Причиной употребления в речи японского премьер-министра этого модного англицизма, вероятно, стало то, что новые заимствования из западноевропейских

языков обычно имеют более высокое стилистическое звучание, чем китаизмы, см. подробнее об этом [4].

Как видим, XXI век поставил на повестку дня новые задачи языкового планирования. Прежде всего это сдерживание стремительного роста западных заимствований. Важной задачей остаётся также контроль за экспансией КАНГО, неизбежно увеличивающей количество иероглифов в обороте, использование которых уже не контролируются строго иероглифическим лимитом 2010 года. Актуальными остаются задачи адаптации японского общества к идеям мультикультурализма, а также новая языковая и культурная политика в отношении мигрантов (увеличение доли пожилого населения страны и дальше будет способствовать росту числа трудовых мигрантов). В связи с этим возникают проблемы преподавания японского языка иммигрантам, адаптации их детей в японской школе, а также весьма актуальные проблемы социальной адаптации японских детей, вернувшихся домой из-за рубежа (帰国子女). Новые задачи языкового планирования порождает и "глобализация Японии": распространение в мире японской кухни, боевых искусств, японского языка и японской популярной культуры как мягкой силы (Cool Japan).

Заключение

Итак, мы рассмотрели наиболее важные аспекты языкового планирования в Японии со второй половины XIX до начала XXI века. Особое внимание было сосредоточено на эпохе Мэйдзи и на языковых реформах после Второй мировой войны, когда изменение японского языка стимулировалось мощными народными движениями. В иные эпохи, как и в настоящее время, языковое планирование оказывалось под строгим контролем японского государства и ограничивалось преимущественно языковой политикой последнего.

В наши дни языковая ситуация в Японии быстро усложняется в связи с планетарными трендами вестернизации и глобализации. Японский язык стремительно пополняется заимствованиями из английского языка, причём последние не ограничиваются лексическими заимствованиями. Восстанавливается массив китаизмов, расширяется набор китайских иероглифов в обороте, чрезвычайно важных для письменных стилей японского языка информативной точностью и компактностью. Лексический корпус японского языка беспрецедентно увеличивается. Это создает новые вызовы для языкового планирования, однако современная языковая политика Японии пока слабо и нерешительно реагирует на эти новые вызовы.

Наше исследование показало, что понятие "языковое планирование" шире понятия "языковая политика". Но именно последнее чаще используется в европейской научной литературе, покрывая и проблематику, более адекватно описываемую в терминах языкового планирования.

Литература

1. Васильева Л.В. Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Серия: "Issues Of Japanology = Вопросы японоведения". Санкт-Петербург: Эйдос, 2018. С. 630–667.
2. Дыбовский А.С. Заимствования в японском языке и процессы европеизации японского общества // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 97–102.
3. Дыбовский А.С. Идеология японоцентризма в учебной литературе по японскому языку. На материале учебников японского языка эпохи японской оккупации английских владений в Малайе и Сингапуре (1941–1945) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том 12. № 1. С. 54–72.
4. Дыбовский А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современном японском языке (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. 2022. Том 5. No 4. С. 119–135.
5. Дыбовский А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. No 4. С. 17–30. URL: <https://journals.dvfu.ru/dvphilology/article/view/963/683/> (дата обращения: 18.01.2024).
6. Прасол А.Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток: Дальнаука, 2002. 357 с.
7. Language Planning in the Soviet Union / Edited by Mikhael Kirkwood. London: The Macmillan Press LTD,

1989. 230 p.

8. Nanette Gottlieb. Language policy in Japan. Cambridge university press, 2012. 207 p.
9. 当用漢字表 / 国語施策・日本語教育=Таблица общеупотребимых иероглифов / Языковая политика. Преподавание японского языка. URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/syusen/tosin02/index.html / (дата обращения: 03.05.2024).
10. 野村敏夫 国語政策の戦後史 大修館書店 東京 =Тосио Номура. Послевоенная история языковой политики Японии. Токио. Изд-во Тайсюкан. 2006. 292 p.
11. 旧吉田茂邸大磯町郷土資料館 =Музей-резиденция бывшего премьер-министра Ёсида Сигэру. Архивный зал на родине в районе Исо. URL: <http://www.town.oiso.kanagawa.jp/oisomuseum/kyuyoshidatei/lab/R3/16519.html> / (дата обращения: 03.05.2024).
12. 日本語の中の外来語と外国語 –新聞, 雑誌, テレビ – =Западные заимствования и иностранные слова в японском языке: газеты, журналы, ТВ / 第30回「ことば」フォーラム =Тридцатый форум "Язык" / 独立行政法人国語研究所 =Независимое юридическое лицо / Государственный институт родного языка. URL: https://www2.ninjal.ac.jp/past-events/kotoba_forum/30/haihu_30.pdf / (дата обращения: 28.04.2024).
13. 志賀直哉 =Сига Наоя // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/志賀直哉/> / (дата обращения: 30.04.2024).
14. 森有礼 =Мори Аринори // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/森有礼/> / (дата обращения: 30.04.2024).
15. 福澤諭吉 =Фукудзавэ Юкити // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/福澤諭吉/> / (дата обращения: 30.04.2024).
16. 二葉亭四迷 =Футабаты Симэй // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/二葉亭四迷/> / (дата обращения: 03.05.2024).
17. 船橋洋一 英語公用語論の思想 // 言語 8月号 =Фунасаба Ёити. Некоторые идеи по поводу английского языка в качестве официального // Язык. 2000. Том. 29, № 8 (347). С. 22–27.
18. 放送法 // 衆議院 =Закон о вещании // Палата Представителей. URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/houritsu/00719500502132.html / (дата обращения: 30.04.2024).

References

1. Vasilieva L.V. Language Policy of Japan from the Meiji Period to the Present Day // Japan: 150 Years of Meiji Revolution. Series: "Issues of Japanology". St. Petersburg: Eidos, 2018. P. 630–667 (In Russ.).
2. Dybovsky A.S. Loanwords in the Japanese Language and the Processes of Europeanization of Japanese Society // Russia and the Asia-Pacific Region. Publisher: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 1996, No. 3. P. 97–102 (In Russ.).
3. Dybovsky A.S. The Ideology of Japanocentrism in Textbooks of Japanese Language During the Japanese Occupation of British Territories in Malaya and Singapore (1941–1945) // Historical and Socio-Educational Thought. Vol. 12. No. 1. 2020. P. 54–72 (In Russ.).
4. Dybovsky A.S. On the Discursive Features of the Use of Western Loanwords in Contemporary Japanese Language (Revised Edition) // Pedagogy: History, Perspectives. Vol. 5. No. 4. 2022. P. 119–135 (In Russ.).
5. Dybovsky A.S. Japanese Language as an Arena of Civilization Clash // Far Eastern Philological Journal. 2023. Vol. 1. No. 4. P. 17–30. Electronic resource. URL: <https://journals.dvfu.ru/dvphilology/article/view/963/683> / (accessed 18.01.2024) (In Russ.).
6. Prasol A.F. Japanese Education in the Meiji Era (1868–1912). Vladivostok: Dalnauka, 2002. 357 p. (In Russ.).
7. Language Planning in the Soviet Union / Edited by Mikhael Kirkwood / London: The Macmillan Press LTD, 1989. 230 p.
8. Nanette Gottlieb. Language policy in Japan / Cambridge university press 2012. 207 p.
9. Official List of Commonly Used Kanji Characters / National Language Policies and Japanese Language Education. URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/syusen/tosin02/index.html (accessed 03.05.2024) (In Jap.).
10. Nomura, Toshio. Postwar History of National Language Policy. Daishukan-ten, Tokyo, 2006. 292 p. (In Jap.).
11. Former Residence of Yoshida Shigeru, Oiso Town Local History Museum. URL: <http://www.town.oiso.kanagawa.jp/oisomuseum/kyuyoshidatei/lab/R3/16519.html> / (accessed 03.05.2024) (In Jap.).
12. Loanwords and Foreign Languages in Japanese – Newspapers, Magazines, Television – / 30th "Language" Forum / National Institute for Japanese Language and Linguistics. URL: https://www2.ninjal.ac.jp/past-events/kotoba_forum/30/haihu_30.pdf / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).
13. Shiga Naoya // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/志賀直哉/> / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).
14. Mori Arinori // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/森有礼/> / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).
15. Fukuzawa Yukichi // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/福澤諭吉/> / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).
16. Futabatei Shimei // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/二葉亭四迷/> / (accessed 03.05.2024) (In Jap.).

17. Funabashi Yōichi / The Idea of English as an Official Language // Gengo, August Vol. 29, No. 8 (347), 2000. P. 22–27. (In Jap.).

18. Broadcasting Act // House of Representatives / URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/houritsu/00719500502132.htm/ (accessed 30.04.2024) (In Jap.).

Александр Сергеевич ДЫБОВСКИЙ, канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Alexander S. DYBOVSKY, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 14.05.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.08.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024